

ДВА РАССКАЗА

РУБИКОН

Цезарь увидел толпу этих задаренных им убийц и подумал: «Нехорошо, что рядом с отхожим местом». Падая на грязный и скользкий мраморный пол, ощутил запах мочи и опять подосадовал. Увидел Брута, застонал, сдерживая боль, подумал, что историки сделают из этого что-нибудь невыносимо театральное. Что он, якобы, простёр руку, воскликнул: «Дитя моё! И ты!» – и картинно упал.

Скрючившись на ледяном полу в тёплой своей крови, он прикрыл лицо краем тоги и последним смертным взглядом увидел Фортуну. Она спокойно отвернулась. Один я, Боги.

Если выщипать брови грамотно, такими скобочками наивными, то они молодят. А если их (брови) ещё и слегка приподнять так удивлённо, то молодят ещё больше, потому что верхние веки расправляются. Но если сделать мышечное усилие больше, чем требуется для выражения наивного удивления, – допустим, недоумение получилось, – то – не молодят, потому что появляются морщинки на лбу.

Юля устало вздохнула: учебный год в роскошном их лицее едва начался, а уже тошно. Его секретарша поглядывает победно, остальные – с любопытством, и никак не удаётся сделать вид, что наплевать. Хотя уже наплевать. Давно и совершенно искренне. Но жильё служебное и зарплата стабильная – деться некуда, а вынужденная зависимость от бывшего любовника тяготит.

Да ещё и исторический кружок сегодня. Впрочем, это дело родное. Толковая восьмиклассница Тонька приготовила доклад о Римской республике времён Цезаря. Интересно будет послушать, как дети станут осуждать великих за исторические ошибки.

Она вошла в учительскую приосанившись, грамотно приподняв брови и трудолюбиво улыбаясь. Дружески кивнула торчащей здесь же для чего-то его секретарше, отметив, что все вокруг наблюдательны и любознательны. Начались уроки. Скорей бы кончились.

В то утро к нему явилась Фортуна. Приснилась, как пять лет назад. Она вошла в покои и робко встала у входа.

– Я выиграл, – сказал он ей и рассмеялся.

Фортуна надула губы, отвернулась к стене и, как маленькая девочка, уткнулась лицом в тяжёлую занавесь. Он проснулся от своего смеха и подумал, что сон не к добру. Узорчатая занавесь вдруг шевельнулась, вошёл оракул с привычно печальным лицом. С таким лицом он пророчил и добрую волю Богов, и беды.

– Ну что, старик, – сказал Цезарь, – мартовские иды уже начались. Солгал ты мне.

– Мартовские иды ещё не кончились, – возразил оракул, – позволь, великий...

– Не позволю, – и Цезарь рукой повелел ему удалиться, – сегодня мне не надо предсказаний.

Оракул странно пристально посмотрел на него и вышел.

Тонька подготовилась хорошо – не только в Интернет сходила. Похоже, даже Этьена прочла. Ребята слушали с интересом. Когда она закончила смертью Цезаря в курии, все как-то даже и притихли. Юля нарушила тишину:

– А вот если бы Цезарь не перешёл Рубикон? Не сделал бы этого, как мы поняли, рокового шага? Что было бы? Чего бы не было?

– Да многого бы не было, Юлия Фёдоровна!

– А конкретно? Если бы не перешёл?

– Календаря не было бы.

– Календарь всё равно был бы, ты чё, Димон. Просто он назывался бы... октавианский там... или августовский.

– Августинский скорее. Дальше.

– Месяц бы июлем не назвали, и вас бы, Юлия Фёдоровна, назвали по-другому.

– Ты чё, Димон? – сказала она, и все засмеялись. – Ещё что? Думайте.

– Царей бы не называли цезарями и кесарями.

– Или кайзерами, как немцы.

– Молодцы... Ещё кто скажет?

Тоня сказала тихо:

– Если бы он не перешёл Рубикон, то его не истыкали бы потом кинжалами. Ну, не зарезали бы через пять лет.

– Почему? Обоснуй, – ровно сказала Юля.

– Потому что он не стал бы великим. Ему бы не завидовали люди и боги. Ну, они же верили, что боги... Ну, их нельзя гневить, а он стал равен Юпитеру. В сознании этих... плебеев.

– А как вы думаете, предполагал Цезарь эти последствия?

– Нет!

– А я думаю, что допускал, – сказала учительница, – иначе «перейти Рубикон» не стало бы обозначать «сделать необратимый шаг». Перейти Рубикон – это взять на себя ответственность за всё, что случится потом, не обижаясь на богов.

Помолчали.

– Ещё его не полюбила бы Клеопатра, – невпопад сказала девочка из седьмого «Б».

– Очнулась! Она его до Рубикона полюбила.

– Ну, значит, разлюбила бы, – упрямо сказала девочка из седьмого.

Все засмеялись и продолжали предполагать варианты. Оказывается, многое могло бы быть по-другому. Юля кивала и думала, что, переходя Рубикон и веря в победу, надо принимать и свою возможную кончину на холодном полу курии. Наличие золочёных статуй чуть ли не во всех городах империи этого финала не исключает. Но не стала повторяться – всё-таки они были ещё дети.

Она закончила занятие, поцеловала Тоньку в макушку (ребята любили её за такие неожиданно неформальные проявления).

В учительской написала заявление об уходе в двух экземплярах. Принесла секретарше.

– Вы прямо все границы переходите, – печально сказала та.

Юля подумала «дура», про себя, но, видимо, слишком отчётливо, потому что секретарша вспыхнула и повторила:

– Все границы вы переходите, Юлия Фёдоровна.

«Месяц можно жить у Ольги, пока ейный не вернётся, – думала она, возвращаясь домой, – историком можно в нормальную школу. В сто девятнадцатую, например, – там до сих пор некомплект. Плюс часы по литературе будут. Всё равно снимать на это жильё нельзя. Так. В «Вопросах Клио» предлагали совместительство.

Дома раздался телефонный звонок. Ольга нюхом чует. Юля сняла трубку.

- Привет, подруга.
  - Я не понял, – величественно сказал мужской голос.
  - Ушла я, – помолчав, объяснила Юля.
  - Учебный год начался.
  - Только что начался. Найдёте. Вы богатые. Родители у вас влиятельные.
- Он помолчал, видимо, подыскивая уничтожающие слова.
- Я вынужден буду просить вас, – наконец сказал он, – оставить служебную квартиру.
  - Хорошо, – сказала она спокойно и положила трубку.
- Затрезвонила в дверь Ольга.

Пять лет назад уже являлась к нему Фортуна. Тогда она приснилась ему впервые. Не покровительствующие ему Венера и Марс, не всё более благосклонный Юпитер, а коварная Фортуна, единственная из женщин, которой он опасался.

Она внезапно появилась в палатке, глаза её блестели весело и азартно. Цезарь тоже смотрел молча. Он понимал, что Богиня предлагает ему сыграть.

Сенат с плохо скрываемым раздражением «не рекомендовал» этого перехода. Закон прямо запрещал. Нарушение было чревато гражданской войной. Цезарь чувствовал свою силу и одиночество.

Фортуна вдруг подкинула монету, та, блеснув, перевернулась в воздухе и упала на ровный земляной пол палатки. Фортуна была с ним и сулила ему победу. Цезарь кивнул.

Просыпаясь, он успел увидеть, как она выскользнула из палатки. С досадой подумал, что однажды часовой вместо гетеры пропустит к нему переодетого убийцу, и солдаты не удивятся, увидев выскочившую из палатки женщину. Он слышал однажды, как они пели у костра песенку «Прячьте жён, прячьте жён – мы вам лысого везём» с совершенно похабным продолжением. Он прощал солдатам. Цезарь знал, что солдаты гордятся им, боготворят его и клянутся его именем, а не именем Юпитера. Даже упоминание о лысине не сердило его, хотя лысина беспокоила. Цезарь любил носить лавровый венок, тот удачно скрывал плешь. Но не будешь же на войне одеваться парадно.

А выскочившая под утро из палатки женщина... Тут он вспомнил, что это был сон. Вспомнил, что он пообещал, и упрямо подумал: «к добру». Цезарь сел на ложе, нащупывая ногами сандалии, вдруг увидел на гладком земляном полу монету, и сердце его заколотилось.

Оракул обещал ему мировую славу и внезапную смерть. И то, и другое устраивало Цезаря. Мировой славы он ещё далеко не достиг, значит, время есть. Смертью же за жизнь расплачиваются все!

Объявляя войску о переходе через Рубикон, надо сказать: «Солдаты, жребий брошен!» – это будет хорошо, писцы запишут, подумал он, глядя на монету.

Юля подошла к зеркалу с умеренно поднятыми бровями. На лбу обозначились морщины. Она опустила брови.

- Впереди, Оль, по-видимому, победы, почести и слава, – сказала она, разглядывая себя в зеркале, – и если не гневить богов и отказаться от золотой статуи в родном посёлке с броским названием Столбики...

- Ты дура, – сказала Ольга с ужасом и восторгом.

- ...то боги, возможно, не допустят нанесения мне двадцати трёх ножевых ранений. А Клио позволит мне печататься в своих «Вопросах» за умеренный гонопар.

Она повернулась к Ольге:

– А знаешь, легко как-то. Гай Юлий Цезарь, опять же, близок, как никогда. Подай-ка телефон-то, брат Елдырин, звякнем в «Вопросы Клио».

По лицу подруги она увидела, что ту постигла вдруг мощная по глубине и трагизму мысль.

– Юль, извини, а если твой Рубикон давно уже позади, а это будет... уже агония?

– Одна я, Боги! Будет, Оль, что будет. Жребий, как говорится, брошен. Бог даст... Дай, говорю, телефон-то.

ОТКРЫТИЕ

Шёл один солдат, возвращался с последней войны. Война, та самая, дерьмовая: ни славы, ни прибытку, расход один да срам. Это в государственном масштабе. В личном плане тоже особенно не разжился солдат. Только последние ноги до крови стёр. Спасибо, не застрелили. Он на полустанке с поезда соскочил. Проводница гуманная оказалась: и чаем поила, и запах сапог стерпела. И вот, значит, солдат идёт. Идёт он босиком. Ноги подсушило вольным воздухом, пылью припошило, не хромает даже. Сапоги – через плечо, и портянками помахивает. Их выбросить нельзя, их выстирать, и они ещё хорошие. А то, что вид неинтеллигентный, так ведь не видит никто. По России от деревни до деревни можно долго идти и человека не встретить. Разве неистребимая российская старуха попадетсЯ. Но старух у нас не стыдятся.

Вот он до речки дошёл и решил себе привал сделать. Спустился под бережок, портянки выполоскал, на куст повесил, доел последний хлебушек, водой его запил и решил своему богатству ревизию сделать. А он не совсем чтоб уж пустой с войны шёл, не дурак же, в самом деле: он за пистолет и две гранаты фотоаппарат выменял, потому что пистолеты не всем нужны. Фотоаппарат хороший, не мыльница, на нём иностранными буквами написано бодрое слово «Практика». У солдата в детстве, еще когда отец не помер, увлечение было: книжки по фотографии и «Смена-8М». Так что он кое-что в этом петрил и цену фотоаппарату чувствовал.

Вот он развернул чистое вафельное полотенце и стал фотоаппарат рассматривать. Рассматривает и мечтает, как будет снимать виды. У них в деревне виды очень красивые. Ну и, конечно, мечтает он, в видеоискатель глядя, как эти виды в журналах печатать будут и на открытках, как уважение начнется и деньги солдату пойдут. Он про деньги не от бездуховности думал, а по крестьянской привычке. Солдат о городской жизни не мечтал. Нет, он и огород планировал, и скотину по минимуму. Также мечтал он о фотографии – «Мама на крыльце». Но особенно он мечтал снять девушку Таню у куста цветущей сирени и продумывал эту художественную идею и всякие волнующие подробности процесса съёмки.

Вот отвинтил солдат объектив и, глядя внутрь фотоаппарата, стал щёлкать. А там – кто знает – такие лепестки расходятся, открывают круглую дырочку и снова закрывают. И так это всё тонко сделано, и так чисто и мягко работает, как живое открывается что-то, – загляденье. Насмотрелся солдат, завернул богатство в вафельное полотенце, решил, что спать не будет, и пошёл дальше.

Шёл он, шёл и все-таки дошёл до своей деревни. Там непонятный процесс при виде солдата начался. Некоторые от него шарахаются, некоторые, наоборот, бдят из-за заборов и занавесок. Чует солдат недоброе, но идёт. У самого его дома подошёл к нему пастух Колька-змея. Колька был нестарый, но зубов у него было только два, как у змея. И яду, как у Горыныча. Колька и говорит: «Здравствуешь, солдат. Дак ты не знаешь ничего?» Солдат говорит: «Чего?» Колька говорит: «Мать твоя померла, как похоронку на тебя получила. А ты, значит, живой? Вот бляди».

Солдат: «Как – похоронку?» – и огляделся, как будто хотел мать увидеть. А увидел только, что вся деревня, не скрываясь, смотрит в окна да через калитки. «Могилу показать?» – старается Колька-змея. Колька хотел, конечно, свою выгоду поиметь, в смысле поминок солдатской матери, но солдат не глядя на пастуха, побрёл к дому, хотя что туда идти, там небось растаскали всё. От этого пастух обиделся и крикнул в спину солдата: «А Танька замуж вышла!» «Врёшь», – солдат обернулся. «Вышла-вышла, – мстительно сказал двузубый змей, – ещё ты живой считался. Мать тебе не стала писать». «Ещё я живой считался...» – повторил солдат в задумчивости.

Зашёл солдат во двор, медленно прошёл мимо дома и через огород (там сзади калитка была) вышел на тропинку, что в лес вела. Что это правда всё, он сразу понял и по Кольке, и по соседям, которые по щелям жались, но интересовались сильно, как он себя поведёт. И решил солдат помереть, пожалев впервые, что пулю выменял.

Пришёл солдат в лес. Так в нём пусто стало, что он понял: умрёт сам, без внешнего насилия. Перекрестился солдат – на ёлку вышло. Повернулся – опять ёлка. Так несколько раз перекрестился, а всё на ёлки, как нехристь языческий. Тут он опомнился, что с матерью не попрощался, и на кладбище повлёкся длинной дорогой.

Могилу нашёл быстро. Крест соседи хороший сладили и карточку мамину под целлофан прилепили. Карточка – чёрно-белая, мама на ней – молодая. Фотографировалась она, как работала, старательно: чтобы спина прямая, губы аккуратно сложены, взгляд напряжённый, чтобы не моргнуть. Платье на фотографии было чёрное в белый и серый цвет. Солдат вспомнил это платье мамино – по синей земле букетиками белыми и голубыми. Лёг солдат на землю и стал плакать.

И вдруг сила из него ушла в землю, и от этого душа освободилась и, не чувствуя привязанности, воспарила над солдатом. И видит он, что небо открылось, как шторка в фотоаппарате, голубые лепестки как бы раздвинулись плавно, и там темно-синее круглое отверстие: лети, мол. Тёмно-тёмно-синее круглое окошечко, как мамино платье. И вспомнив о фотоаппарате, как о деле неслепом, душа очнулась и раздумала улетать, хотите верьте – хотите нет.

Солдат вернулся в деревню и пил-то всего сутки. Даже соседи осудили за это: мол, погоревал-то всего ничего, сразу давай крыльцо ладить, бесчувственный какой. Вскорости женился, но это – дело обыкновенное.

А вот что это было? Когда небо открылось? Что за видение? Он ведь ясно видел это открытие?

Нет, есть что-то! Что-то есть...